ЛЮБОВЬ НОВАК

ПОРТРЕТ

Стихи

M. Lobe

ЛЮБОВЬ НОВАК

ПОРТРЕТ

Стихи

Нижний Тагил
1998 г.

И НЕ СМОЖЕШЬ ЗАБЫТЬ...

Первое впечатление – стихи очень женские, русские. Это поэзия освежающая, подобно глотку воды из родника, даже если стихи о грустном. Диапазон тем и настроений весьма широк: от простой пейзажной зарисовки, создающей мимолетное настроение, до космических видений (Невесомая темень порой тяжела...).

Нет поэта без стихов о любви. И в этой книге сказано свое, порой мучительное (Мне каждый день, как новая молитва), порой светлое (... вижу тебя планирующим...), но всегда искреннее. Удивительно тонкие и нежные строки дочерям достигают вершин простоты и неопровержимости, когда сначала скажешь "ну и что?", а потом уже не сможешь забыть: они всплывают сами собой и пахнут речной свежестью:

Длиные – диво! – вспорхнули ресницы,
слушает светлый ручей...
Ночью ей голос счастливый приснится,
не догадается – ЧЕЙ.

Одна из тем – дом, обжитое пространство, малый космос: дома, домишки, окна, двери... Образ дома не противопоставляется миру, наоборот – органично входит в поэтическое пространство, обретает свойства живой природы и легкую чертовщинку (... и тень по дому бродит, как пастух.).

И разумеется, а может быть, прежде всего, – природа. Реки, березы, рябины, снега и дожди. Естественный поэтический мир, в котором переплелось настоящее и увиденное внутренним зрением поэта – очень мягкой, женственной, но сильной, умеющей с юмором воспринять любые повороты судьбы и собственного характера.

Давно бы этим стихам прийти к своему читателю, не сомневаюсь, внимательному и благодарному.

Тамара КАЗАКОВА.

* * *

Невесомая темень порой тяжела,
и ночные фантазии горше.
Как обычно, природа за дверью жива,
пусть невидима, чувствует дольше.
Я не трону сомненьем настывший настой –
невесомость и так ощутима,
знаю:
ночью
за ночью огромной, пустой
повторение неотвратимо.
Задевая тот воздух, что тихо черствел,
заискрятся рассветные стрелы,
и продолжится поиск предела,
ускользающего за предел.

* * *

Охраняю я, охраняю:
то погоду, то рубежи.
Снова осень ветра роняет,
вырастающие в дожди.
Охраняю щипучий воздух,
склад, горючие вещества
и себя от проблем,
да поздно:
обесцветилась голова.
Ну и что –
в патруле шагаю? –
Боль невидима до утра.
И пути себе не выбираю,
а судьба –
на дыре дыра.
Охраняю.
Сплошные дыры!
Сорняки уже отцвели.
Лишь плакучая осень в мире
опускается до земли.

* * *

Поплачь, заметишь – что-то утечет,
и – ни следа растаявших пригорков.
Пришла пора очарований горьких,
ты сам себе отныне звездочет.
Подумается: что-то утекло,
то самое, которое прекрасно,
смахнешь звезду, отыскивая ясность,
пейзаж прозреет, ляжет на стекло,
посмотрит изнутри, наоборот,
где воздух сам с собой ведет забеги,
и лошадь там гуляет без телеги,
и солнце завершает оборот.

* * *

Дочери

Спокойствие какое.
Не шелохнется снег.
Никто не беспокоит,
и ты — всея и всех.

Ни времени, ни птицы,
и путь необратим.
И вечерами снится
недвижный низкий дым.

Да и такую малость
дитя твое проспит.
И — ничего,
осталось, —
что Бог ее простит.

Эскиз

В январе
нежданно-негаданно
объявилось белое лето:
распахнулись крылато двери,
удивленные вышли гуси,
стали крыльями чиркать по снегу,
загребая свежее солнце...
Старый пес
потянулся с улыбкой
и легко от гусей помчался,
как в забытом собачьем детстве...
Ах, вы, солнышки – белые гуси,
посмотрите –
стал воздух выше,
как планирует он над улицей
и мечтает оттаять ветки,
зеленея в начале света.

* * *

Где звезды прикасаются к земле
и нет намека чувству на дорогу,
растенья увядают понемногу
и просто расстилаются во мгле.
Полынь, лопух, мокрица, лебеда
рождаются и зреют неустанно,
без них – ни шага, с ними – никуда,
но прозревать прошедшему не рано.
Здесь плотик и замшелое весло,
и тихий ельник с запахом бессмертья.
Что было до свободы – заросло
и пахнет просыхающею сетью.
Никто не ошибется: этот край
давно забыт во всех воображеньях,
а в доме одиночества спряженье,
и воздух –
хоть до осени спрягай!

* * *

Ни зыбь, ни рябь –
стеклянная вода,
туман давно теплеть
в леса подался,
и в лодке задремавший
догадался:
у времени нет времени,
когда
движение –
стремление в себя.
И не понять стеклянного
слиянья.
Но только память –
эхо расстоянья.
Слепит вода,
ей хочется дождя.

* * *

Маме

Перед смеющимся
не прояви слезы,
для неидущих
не оставляй следы...
Жизнь прожита высокая,
вынесла, что могла.
Что ж без косы осокою
в росы ты полегла?!
Может, он просто выдуман
Богом –
последний срок?
Скоро и дочку выдует
легкую
между строк.

* * *

Не торопятся травы к просыпу,
потихонечку речка не спит,
лес заботы больные осыпал,
и никто в этот час не свистит.

Так привычно к жилью возвращаться!
Были ягоды – все отошли.
Ощущается шаткое счастье,
спят в болотах пока журавли.

Нету слуха, одно только зренье,
да и то унеслось за жнивье.
Смутный свет, никакого движенья.
Только свет и дыханье мое.

Этюд

Леночке

Белая козочка звездочку мыла,
глупая полукоза,
лобик бодатый к журчанью склонила,
грустными стали глаза.

Длинные – диво! –
роняет ресницы,
слушает светлый ручей...

Ночью ей голос счастливый приснится,
не догадается –
чей.

Н. Салда, 78 г.

* * *

Выбора не существует:
хочешь-не хочешь –
зима,
точка отсчета зимует,
падает на пол зола.

Глупое злит побужденье,
не остановишь, –
циклон
облаком начал скольженье
там, где звенел горизонт...

И просветления ливнем
хлынут судьбе вопреки!

... Все же течением сильным
не опрокинуть реки.

Снегопад

Наполнился светом мой сад,
за садом – свечение елей.
Зимушки кричат невпопад,
устроив из яблонь качели.

Заметил задумчивый кот
беззвучность движенья снежинок –
все зрение заворожили,
какой-то сплошной вертолет.

Попробовал снег пожевать
и мордой встряхнул, веселея.
И – к лучшему, – слов не сказать,
И – к светлому, –
светлое сеет.

* * *

Ах, ты, судьба моя собачья!
В жестоком, жгучем январе
вдвоем с собакою не плачем
на обездоленном дворе.

Пустая печь, пустые чашки,
покрытый инеем порог...
Но свет длинней, и солнце чаще,
и ничему пока не срок.

* * *

Холодный ветер при такой жаре –
смешная маска, утренняя шутка,
все перепуталось: цветенье в октябре,
и камыши выбрасывают дудки.

Рыбак уйдет впервые без улова –
природа к переменам не готова...

Верблюдица в березы забредет,
но шутку эту дрозд не принимает,
грибы пойдут (июнь наоборот),
и грибников замучают трамваи.

Холодный ветер – через все – насквозь!
Верблюдица? – бывает, бредни, вскользь.
И маска – шутка – ставка не в игре,
жара на осень – дырка в октябре.

* * *

Когда не сочтется, уснувшие кротко
прозрачные сны на губах
все ищут по памяти вздохов коротких,
что схлынет в густых проводах, –

на самую хилую долю спасенья,
на самый скудеющий всплеск.
И легче рябинам поникнуть в смятенье,
когда просыпается лес.

Продлится дождями прелюдия лета,
рассыпав абсурдную взвесь.
Но сны, расцветая, не вспомнят об этом,
и схлынет осенняя весть.

* * *

В. Т.

Две недели падала вода,
и предела не было упадку,
плакали вдоль леса провода,
и безделье становилось сладким.

Стекла помутнели,
и едва —
кто-то приближался —
разглядела.
Падала и падала вода,
и паденью не было предела.

Двери промолчали перелет,
скрипнуло промокшее
движенье...
Ожиданье скоро перельет,
и леса утонут в отраженье.

* * *

Когда идешь,
ну, просто так идешь:
никто не ждет,
и не оставлен кто-то, —
воспрянет из забывчивости дождь
и потревожит влагой за полетом.
И оглянусь:
стоит последний свет,
и засмеюсь, —
не выдумать порога,
не вырастет из осени тревога,
и листья не покатятся во след.

* * *

За горушкой у излуки
начал вечер затухать,
безголосые подруги
на трубе у петуха.
Заберу матрасик с прясла,
запах сена занесу.
Комары пищат напрасно,
все привычное в лесу.
Кукарекнуть бы из сенок, –
до ауканья с горы...

Ничего прекрасней сена
да меж звездами дыры.

* * *

Ночной настой в объятьях света
сужается до немоты,
понятен близостью,
при этом
росы растенья лишены,
они от неба онемели,
рассвет прохладу теребит,
пока погодные качели
настой от ветра сторожит.
И первой бабочки полет
прозрачен прежнему значенью,
и траектория черченья –
стремление наоборот.

* * *

Все мои возвращения
углами изучены,
после дверных вращений входишь, –
стремишься к лучшему.
Торчат вещи,
и связи с ними уставшие,
но это мое жилище,
стоишь
и не знаешь дальше...
Атмосфера – убийца,
неувядающей глупостью крутится,
обнажаясь со всех сторон,
приобретая свойство расти...
И признаки улучшения
оставлены вновь до пятницы.
Уходишь,
и совершенно никто
не покушается
на этот уход привычный
в заросли неизведанного,
в разочарования,
наполненные объемом...
Но там, где всего слияние,
сияет возвращение
притяжением дома!

* * *

На горе стоит дом
выше дня.
Высока здесь любовь
у меня...
Как на го́ре мое –
это счастье.
Вот поставлю ведро под ненастье
и поплачу с утра, постираю, –
не сошла же с ума,
да не знаю:
как покинуть тот дом,
где любимый
не забудет добром то, что было,
ту, что парой была,
да пропала...
Как крута та гора, –
вся упала!
Раскатился весь свет –
до поры.
Нет раскаяния –
у горы.

Бегущий рядом с трамваем

Пока он не знает,
когда стронется с мысли, —
может такое произойти
в любой момент,
возможно, именно тогда
и отправится трамвай
за поворот...
Все правильно:
если долго сидеть,
придется собирать усилия, —
кто знает,
что уехало в том трамвае?
Однако он без дверей!
Бегущий вынужден лететь рядом,
почти не касаясь ступнями,
чтобы через свое отражение
видеть,
что уехало в том трамвае.
Это важно только сейчас,
как время назад...
Асфальт легко отделяется вслед.
И если другой поворот
не наступит,
он так и останется:
бегущим
рядом
с трамваем.

Портрет

Легче вообразить портрет,
когда ты спишь:
я вижу тебя планирующим,
падение невозможно,
ты виден со всех сторон,
ничем не опечален
и недосягаем...
Восторг.
Нет сил.
Только взгляд
в завтра...
Белый трамвай простучит,
станет ясней.
И с наступлением нового
в этом портрете
начнется
проявление
моих черт.

* * *

Т. К.

Однажды знакомая женщина
рассказывала про Голландию,
но через ее восторг
виделись две фигурки,
единственные,
и тщета
уклончивости от ветра.
Захлестанные, в легкой одежке,
в поисках огонька
они продвигались,
казалось, вперед,
единственные
на весь Амстердам..,
а до воображения
тепла уже не было,
хотя про Голландию не говорилось,
настроения не проявлялись,
и разговора
могло не быть вообще.

* * *

Отойди и,
если хочешь,
всегда найдешь цветок утешения.
А если захочешь всерьез,
узнаешь,
что он
всегда при тебе.

Колба-пробирка-сосуд:
познание,
вытекающее
в одну сторону,
а ты обнажен
перед безумием хаоса...

Пошевелись:
отойди, утешься.
Если будешь идти,
хоть единственный
или последний,
но ОН встретится,
если сейчас
его нет при тебе...

Понимание – роскошь,
а хаос
никогда не кончится,
даже при ежедневности
нищета всего,
пред-положение духа
о возможном покое.
Достижение мудрости –
раскрывшееся утешение.

Ветреное

Изломы фигуры или ее очертаний
дергает ветер совсем без намерений,
куда хочет,
ему не слышно сомнений,
и это естественно потому,
что часть невозможного,
а если вглядеться, –
само движение,
пусть он идет.
Но редкие взлеты скользящих чувств
меня беспокоят
и после ветра...
Невидимый дождь,
неслышные передвижения
наполняют пространство
и этим заканчивают мою неподвижность, –
я тоже иду,
кланяясь вправо-влево,
пытаясь обогнать скорость.
Но – нет опоры,
когда заворачивает вокруг себя,
кажется, что это – поиск
твоих возвращений:
вращение
в никуда.

* * *

Стынет смородина в робких соцветиях,
северный ветер весь путь холодит.
Кто же там мается
в майских сомнениях,
цветом на холод себе навредит?

Кто отогреет смородину гиблую?
Только движенье и –
небу упасть!..
Необратимое времечко сгинуло,
тучи успели от ветра устать.

Вот и стоит на пригорке реальности
ветру открытый стареющий дом...
Северный ветер с заброшенной дальности
свищет и стонет простуженным ртом.

* * *

Вадиму

Он обещает себе,
и становится неприятной
эта борьба — в трубе —
с собственными представлениями,
прекращается
при первом же передвижении,
и вращается свет
меж проблем
без освещения...
Если устанет взгляд,
видно, как горы уходят в свою страну,
а беспросветный сад
весь бесплоден и сдвинут
в мечту одну.
Нет, ничто не меняется,
течет привычно,
себе обещавший мается,
хоть обещание и первично,
среда вокруг него
создает какую-нибудь погоду,
иногда к ней недоверие
опровергнет пейзаж
открываемой дверью,
а ты — все отдашь! —
за угождение самому себе:
посмотреть и расслабиться
независимо от проблем,
в любую погоду
и — покаяться.

* * *

Осень ветрена,
по роще
разгулялся светолей,
ветер с гор ручьи полощет
и кидает в ноги к ней,
разгибает свет в пространство,
сто желаний на корню
расцветают в постоянство,
осень падает в зарю.
И свободна! И желанна!
Что придумает, –
творит!
Человечек охаянный
среди осени горит.

* * *

Соленый свет стоял в ресницах,
и рассмотреть росло уменье,
про что раскарканные птицы
раскачивали время зренья.
Стекало прошлого стекло
и проясняло все разлуки,
и так разомкнутые руки,
согласные на перелом,
звенели вслед — на все касанье,
вообразимое бессильем,
что стон застыл, как изваянье,
недосягаемое ливнем.
Но проторенное наследство
шло в заблуждение за край.
И хлюпал свет под самым сердцем,
что хоть умри —
не умирай!

* * *

Замкнулся дом в мой вымученный круг,
и ничего не чувствую из круга.
Но дай мне, Бог, дожить до новых вьюг,
когда вино, встревоженное другом,
весь этот круг почувствует в углах
движеньем темноты в желанье окон
все отрицать прозренно, как монах,
не искушая сладостным итогом...
Нам здесь достаточно без света понимать –
внутри окружности не просто, но прекрасно:
не рушится, что можно не сказать,
и отблески в бокалах дышат красным...
Смотреть в неувядающий огонь
разъята темь
на тысячи понятий,
дрожащая окружностью в квадрате
просвечивает близкая ладонь.

* * *

Да откуда он объявился
зимним вечером снежный сок?
Просто оттепель.
Покосился
ветер с запада на восток.
Вот, метель, его по проселку,
над лесами на свет неси!..
Стужа мается, но без толку, —
истекает возможность сил...
Как тепло приближенье странствий!
Завершается оборот.
Через выстраданное пространство
все излишнее перельет.

* * *

Сомнения заброшены в углу,
но перспективе нужен угол этот,
и всякий раз привычную игру
колеблет тень ее открытым светом.
Срываюсь, устремляясь по углам,
сдвигая свет иронией дыханья,
и разделяет чувство пополам
тобой придуманное расстоянье.
Но времена вернутся на круги,
позвякивая в беге удилами...

Ты расстоянью верность береги,
пока по грудь не зарастешь углами.

* * *

Уснет село,
невидимо дыханье,
а ночь натянута,
что кажется —
звенит...
Там потрясенья посвящают в тайны,
выбрасывая стрелами в зенит.

* * *

Припомнится иней дремучий, услада
предутренних окон последней зимы.
И все-таки время – росточек досады
напрасной,
замрет
без случайной золы...

Река, вылупляясь, посмотрит на сосны,
где лодка лицом перевернута вниз.
Там время сомкнуло беззубые десны,
и в пресный листочек –
прогорклую жизнь.

И вроде раздельно – одна и другая –
вода затекала в стихающий зов...
В то утро над берегом
шла, исчезая,
знакомая женщина
завтрашних снов.

* * *

Мне каждый день,
как новая молитва, –
сквозь разность встреч
я об одной молю...
Сошли снега,
уж солнцем все залито,
приду домой, воды в стакан налью
и запою, уставясь в потолок,
и замолчу, подрагивая горлом,
в недоумении:
как ты понять не смог
отчаянья зимы
в притворстве долгом?
Не возвратить былые облака,
и скрип дверной не слышен за снегами.
Судьбу любви
мы не предугадали
и смотрим на нее
издалека.

Утро

Распрямляя рассвет и прохладу,
но не чувствуя вздоха прозренья,
признаю непохожесть движенья
на стремление мысли к разладу.

Но не жду просветления свыше,
продолжительность глупости горше,
если звука сомненья не слышно
и прохлада дыхания тоньше...

А рассвет на сомненья разъят.
Незаметна растерянность шага.
И теперь в очертаниях сада
проявляется утренний взгляд.

* * *

А дождь шумел,
как поезд заведенный,
все шел и шел,
куда глаза глядят.
Но день стоял,
судьбой приговоренный,
не двигался
и не хотел назад...
Перемещенье чудилось,
дождь шел,
и что-то больно изнутри стучало.
А кто-то все отыскивал начало,
отталкиваясь в замыслы веслом.

* * *

Не надо отрицать,
хотя апрель обилен,
и настроенья к переменам склонны,
что не отнять лица
от столкновений зимних,
когда от них оттаивают клены.
Восставший ветролет
стремительно носило
снегами перед солнцем оправдаться.
Последний раз взметнет
оставшиеся силы
сегодня высоте
совсем отдаться.
Соломенный ручей
из-под стеклянной кучи
на маленькую радость разольется,
покажется ничьей
распавшаяся туча,
но вечером
с большой водой вернется.

* * *

Все готовится к снегу.
Приучается взгляд.
Это майское небо –
не обман, не разлад:
ни присутствие света,
ни движенье извне
не рассеют приметы
прошлогодних измен.
Вот когда он настигнет
белый свет на корню,
я пойму,
ЧТО погибнет,
только поздно
пойму.

* * *

А ветер залетный,
и нет отношения
к нему у меня,
и его перелет –
такой неразумный –
любые решения
повывернет временем
наоборот.
Стремление есть,
но, безумный, убьется:
я – в сторону шаг,
он – с разлета – в стекло!
Откуда исходит,
туда не вернется, –
мгновенье,
покуда летел,
истекло.

* * *

Когда взметнется зябкий снеговей
и застучит, обманывая слух,
мне зажигать не хочется огней,
и тень по дому бродит, как пастух.

Мы вместе понимаем, что январь,
что холод, может ночь не получиться,
но снежная запутанная хмарь,
сама собою движимая, длится.

И дом раскрыт, но стронуться не смеет,
а продолженье — выдуманный сон:
под скрип и стук, и скрежет снеговея
светлеет непонятный перезвон.

* * *

Созреет светлый диск
до первой маяты,
когда последний лист
умрет от немоты,
проснется горизонт,
повернутый в зенит,
раскинет небосвод
пространство,
зазвенит
прохлады тетива –
снежинками в висок,
и слабая трава
заснет на белый срок.

Содержание

60-летию "УРАЛХИМПЛАСТА" посвящается
Инициатор издания –
литературная студия "Ступени".
Спонсор издания –
дирекция ОАО "Уралхимпласт".
Обложка художника Оксаны Нестеровой.
Автор выражает искреннюю благодарность редактору газеты "Химик" **Л. А. Гладковой,** поэтам **Е. Туренко, Т. Казаковой и В. Овсепьяну.**

Технический редактор Пологов Л. С.
Корректор Татаурова Г. А.

Сдано в набор 4.06.98. Подписано в печать 10.06.98.
Формат 60x84/32. Бумага писчая № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 1,5. Заказ № 1927. Тираж 1000.

ЛР № 010317.

Нижнетагильская типография управления печати и массовой информации правительства Свердловской области.
622036, г. Нижний Тагил, ул. Газетная. 81.